

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

15 ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 ЮЛЯ 1934 г.

№ 161 (3193)

Цена 10 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

РЕНИКСА

Юр. СОБОЛЕВ

ФЕДОР КУЗЬМИЧ Кулыгин, преподаватель классической гимназии, «маленький мужик», чтобы развеселить общество, рассказывал анекдот: «В каком-то семинарии учитель написал на сочинении «чулуха», а ученика прочел «реникса»: думал, по-латыни написано. Смешно удалять только».

И действительно, «смешная» эта «реникса» — всеобщая чулуха, которая, размножившись, подобно са-рынке, распространилась по лицу всей «нашей страны» — России.

Взять хотя бы «трех сестер», которые смеются кулыгинскому анекдоту.

Какая же «реникса» их жизнь-бытие? Старшая — Маня — любит поповничку Бердянина, у которого «сцена с девичьей косой, две девочки и клавиатура, где нет цветов, но где почему-то всегда дымят нечистота, она любит его, а доказана быть дочкой Кулыгина — «самого доброго, но не самого умного». Она прекрасная музыкантша, артистически играет на рояли, но, боже упаси, принять участие в концерте: что скажет господин директор, феллиначчик, который учит, что «главное в жизни — форма: что теряет свою форму, то перестает существовать».

Милая Маня, хорошая Маня, она не будет участвовать в концертах, она останется с Кулыгиным: Бер-

дянина переведя не то в Сибирь, не то в царство Польское... Реникса!

Младшая — Ирина: ее любят сразу двое — философствующий барон Тузенбах и хамящий поручик Созданий. А она никого не любит: мечтает, что «кто-то» придет, и его, в мечтах рожденного, она полюбит и тогда начнет «что-то» делать. А сейчас душа у нее, словно запертый рояль, ключ от которого потеряна. Она знает шесть языков, даже итальянский. А зачем итальянский в этом городе? Это все равно, что шестой налеп на руке! В городе, где живут три сестры, иностранные языки — лишние, ненужные прикрасы.

Брат Андрей: «папа мечтал из него профессора сделать», дожимал ученичество, а Андрей в ожидании, пока кафедра сама с неба свалится, потолстел и все играет на скринке. Ему бы приват-доцентом, а он — секретарь земской управы, той самой, где председателем Протопопов.

Поисный врач Чебутышкин: ему бы солдат лечить, но он ничего не знает, ничего не помнит. Только и делает, что газеты читает и вычитанное в книжечку записывает: «Вальс» выписался в Бердичеве».

Андрей Ефимович Рагин, старший врач земской больницы, убежденный, что «все равно» ничего не делается, декреты нет, инструментов не хватает, грипп много, а больницы еще больше, махнул рукой, стал пить пиво и беседовать на философские темы — о непротивлении злу — с сумасшедшим на палаты № 6. Он беседовал до тех пор, пока не высадил его сторож Никита в эту же самую палату навсегда.

Реникса породила особую разновидность: говорунов. Ах, как они

Рис. Б. Малаховского.

А. П. ЧЕХОВ: — Одно мое произведение — пользуется определенным успехом. Жаль только — мало читается.

хорошо говорят! Как плавно, как поэтично! Вот Пети Трофимов, которого в вагоне одна баба назвала так: «Облаваый барин». Двух вещей в жизни не может он сделать — университет кончить и бородку вырастить. Пракда, ему не дадут учиться — изгоняют из университета перестав за политические убеждения. Но какие же политические убеждения у облаваого барина? Он просто говору, бесконечные может произносить монолоды на любую тему. В этом отношении он средний Гаску, который «все состоит из на леденцах просел» и которому старый Фирс — единственный трутеник в барском доме — брукчелативает. Гаск — оратор: «Дорогой, многоуважаемый шифр». «О, природа, дивная! Он и с половыми в ресторане непрочь побеседовать о декантатах. Какая чулуха!

Все говорит, говорит, а Фирс забыл отплатить в больницу. Так и остался верный раб умирать в заколоченном доме под звук лонгунной струны, унылой, протяжной, делая Реникса, заставляющая делать не свое дело, говорить не те слова, которые хотелось бы сказать, выражать совсем не те чувства, которые живут в душе, и поступать вопреки здравому смыслу. — эта реникса страшна не только в лич-

ном и домашнем обиходе. Она ужасна, потому что ее законам управляют целыми городами, в которых нет ни одного честного человека, в которых только то и делают, что пьют, едят, играют в карты и где тлетворное алиансе пошлости заражает детей.

Разве не реникса, что целый город боялся одного учителя Великая, «человека в футляре», который запретил смеяться, жениться, развлекаться, садить на волососедах? Разве не по законам реникса тысячи чиновников Чинис-Гималайских покупали усадьбы, на которых населили кривляков, и, хотя была окисел, этот собственный кривляк, они восмичались им, ибо горюило в них чувство удовлетворенной собственности!

Реникса убивает любовь, унижает достоинство, сгибает в три погибели перед сильным, заставляет хамить перед низким, заставляет лицемерить и лгать. Счастливы только тунцы, только пошляки — избалованные люди реникса.

Три сестры мизане, хорошие, шесть языков знают, деликатные, а посмотрите, как унижает их Наташа, о которой сказано, что она «шершавое животное», эта ужасная Наташа, у которой полс розово-желтый, как кричит она: «Кто бро-

сил здесь вилку? Кто смел бросить здесь вилку? Это кричит вилка, глусная, но все щели жизни проникающая реникса.

Двое любил друг друга, очень нежно, очень глубоко, но стыдливой своей любви, и только, когда пошел тронулся и нужно было прощаться, они поняли: как было мелко и ничтожно все, что мешало быть счастливыми. Поздно они это поняли.

Так же поздно, как тот чиновник, который всю жизнь проходил мимо вывески и читал: «Большой выбор снгов» и не мог понять, как это так может быть? И только перед смертью прочел правильно — не снгов, а снгар большой выбор.

Этот «снгар» для небольшого рассказа? Чехов занес в свою записную книжку. В ней много таких же «снжетов» о людях, живших иллюзией и о крушениях их иллюзий — о превращении снгов в снгары.

Все это происходило только 30 лет назад. Без меры реникса раскрыл Чехов. Он изображал реникса с беспощадной прозрачностью, нарисовал ее следы там, где, казалось бы, не могло быть ее и в помине. Мудрый художник, он указывал на страшного врага. Но его современники не услышали предостерегающего голоса, не прониклись ужасом, не закричали пеняющейся и зарывались отращиванием. А реникса ядовито посмеялась над своим изобличителем: она принесла его труп в вагоне для устриц!..

...Как хорошо и радостно думать, что рениксу убили на наших глазах, что исчезла она раз и навсегда, что обезображенная ею жизнь превращается в тот чудесный, молодой, цветущий сад, о котором мечтал Чехов.